

Алексей СМИРНОВ

Алексей Яковлевич СМИРНОВ родился 4 ноября 1941 года в деревне Новослободка Мелеузовского района Башкирской АССР в многодетной крестьянской семье. Алексей Яковлевич – сын морского пехотинца, участника Великой Отечественной войны, отец офицера Российской армии, проходящего службу в Чеченской Республике.

С 1961 по 1964 год Алексей Смирнов проходил срочную службу в 58-й мотострелковой дивизии Туркестанского военного округа.

Стихи пишет с 15 лет. Неоднократно публиковался на страницах республиканских и центральных изданий. Живет в городе Салават Республики Башкортостан.

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

СЫНОВЬЯ

Мы лишь от матерей узнали,
Что в те лихие времена
Нам, не рожденным, на вокзале
Отцы давали имена.
Тогда в шинелях беспогонных
Под стоны воюющей пурги
Они кричали из вагонов:
«Родная, сына береги!»
Вот потому, коль трудно очень,
Встаем к опасности лицом,
Ведь права нет у нас порочить
То имя, данное отцом.

МЫ С ОТЦОМ ХОДИТЬ УЧИЛИСЬ

Мы с отцом ходить учились.
Я – впервой на ноги встав,
Он – полгода пролечившись
В полевых госпиталях.
Мы учились очень много,
Мне казалось – без конца.
Но простреленные ноги
Плохо слушались отца.

Сколько падали мы за день –
Вам и за год не упасть!
И на нас сквозь слезы глядя,
Успокаивала мать:
«Ты потише плачь немножко,
Не пугай честной народ.
Ты же маленький, Алешка –
Все до свадьбы заживет!»
Каково же было бате
Успевать в учебе той?
Кровь из ран текла до свадьбы
До его, до золотой.

РЯБЧИК

И голодный, и прозябший,
В шкуре, серенькой от блох,
Охранял дворняга Рябчик
Наш сарай и наш порог.

Но однажды ночью волки
Шли, охотясь на собак, –
Волчья стая или полк их,
Но не менее никак.

И хотя в жестокой схватке
Пес от страшной боли выл,

В дверь, подпертую ухватом,
Он врагов не пропустил.

Рябчик в клочья был разорван,
Но кровавая река
В эту ночь текла из горла
И по следу вожака.

В поединке этом жутком
В дни войны, в жестокий час,
Пес корову спас Анютку,
А она кормила нас.

ПОБЕДА

По бурьянам темным, старым,
Через поле напрямиком
К полевому мчитса стану
Конь с мальчишкой-седоком.
Рубашонка пузырится,
Ноги босые вразлет.
Он летел почти как птица,
Он летел, крича взалех.
И неслось по полю следом,
До небес и впереди
Непрерывное: «По-бе-да!»

Из мальчишеской груди.
Кто в платок, а кто в ладони —
Стан смеялся и рыдал.
И впервые старый конюх
За коня не обругал.

КОНЬ

Сколько пашен! Сколько топей!
Страшно вспомнить, Боже мой!
По полям домой протопав,
Возвратился конь домой.

Уши саблю смახнули,
А обрубки заросли.
И седло порвали пули
На коне местах в восьми.

Конюх радостно захлюпал,
К председателю — бегом.
Ну, а тот, мужик не глупый:
«Пусть решает военком».

Левитан стране поведаль,
Что пришел конец войне.
И по случаю Победы
Конь остался в табуне.

КОЗЬЯ НОЖКА

Я дядю Андрея не видел с медалью,
И вешать-то некуда, хилая грудь,
Но помню кисет тот, на фронте
подаренный,
Которым любил он у нас
щегольнуть.

Достанет, бывало, его из кармана,
Расправит его на коленях рукой,
И держит, покуда мы все прочитаем
Ту просьбу-мольбу: «Закури,
дорогой!»

И он исполнял эту девичью просьбу
И, как не понятно, с кисетом
в руках,
Он «козью» такую сворачивал
«ножку»,
Мне кажется нынче — на фунт
табака.

И дымом табачным изба
наполнялась,
О многом хотелось бойцу
рассказать,
И той самокрутки до Вены
хватало
И, кажется, чтобы вернуться
назад.

ЯПОНСКАЯ ШАПКА

Шапку армии японской,
Весь сияя от наград,
Обменял на самогонку
С фронта прибывший солдат.

На ногах онучи, лапти,
Полушубок древних лет,
Но в японской новой шапке
Щеголял в деревне дед.

На подкладке теплой лисьей,
С ветром спорила она.
Дед Японии дивился:
— Что за чудная страна?

Мы ведь их не обокрали, —
Рассуждал с собою дед, —
Что им делать на Урале?
Разве дома дела нет?

Для чего им самураи?
Где сейчас они? Спроси.
Только шапка до Урала
И сумела добрести.

И внушал, подвыпив, бабке:
— Странно, бабка, но, увь,
Видно, есть на свете шапки,
Что умнее головы.

РОТНЫЙ

Наш ротный не был ветераном.
Он вместе с нами бегал кросс,
Шагал в строю и мчался в танке
Пропахший порохом насквозь.

Тогда нам было девятнадцать
И тридцать девять Кузьмину,

И не могли мы догадаться,
Что он уже прошел войну.

Нам из газет известно стало
В какой-то радостный четверг,
Что Кузьмина медаль искала
За город-крепость Кенигсберг.

Наш ротный не был ветераном,
Все с нами наравне терпел.
Вот только в горло был он ранен,
И потому в строю не пел.

ПЕТЬКА

Тоска свела бы, может, нас с ума,
Но грусть не предусмотрена
уставами.

На целый взвод ни одного письма,
А Петька шутит:

«Дочитаем старые».

О, чудо-парень, взводный весельчак,
С тобой тоска, конечно,
дело пятое.

Не зря погоны на твоих плечах,
Не зря артистом прозван ты
солдатами.

Опять схватились все за животы.
От хохота дрожит курилка
ротная.

И снова, Петька, выступишь ты
С короткими, смешными
анекдотами.

И все убеждены,
что Петька — шут.

И вряд ли думал кто,
на Петьку глядя,

Что Петьке вовсе писем
не пришлют
Отец и мать, погибшие в блокаде.

